

ПАМЯТЬ О ЛЕГЕНДАХ

Семь веков назад

В середине XVII столетия, в успешное время русско-польской войны и восстания Хмельницкого царь Алексей Михайлович внес в свой титул следующее уточнение земельных интересов русской державы: «Царь всея Великия, Белыя, Черныя и Червоныя Руси...» Никогда затем географические понятия Черной и Червоной Руси, вскоре изъятые из титула, в нем не обновлялись, а через полтора века растворились в более емких и исторически развившихся названиях. Черная Русь переняла на себя название родственной ей Белой Руси; Червоная Русь, известная еще как Галицкая, стала именоваться Украиной, подобно всем прочим малоросским землям.

Понятие Черной Руси попало на западноевропейские карты еще в XV веке, им пользовалась в государственной политике и Россия. Любопытно проследить, какое же содержание за ним скрывалось — уж очень оно необычно, загадочно.

Вроде, многое известно о Черной Руси, а на самом деле, когда приблизишься к сведениям старины, когда взглядишься в них пристально,— мало там достоверного, да и сам смысл названия еще никто не смог убедительно разъяснить. Настолько оно забылось от неупотребления, что, кроме специалистов и начитанных любителей истории, никто о нем не помнит. Даже у нас в Белоруссии, на территории которой Черная Русь и находилась.

Занимала она достаточно большую территорию, обозначаемую городами Гродно, Слонимом, Волковыском, Турийском, Зельвой, Лидой, Новогрудком. Сейчас мы называем эти земли белорусскими, и нам кажется, что так было всегда, по крайней мере — исстари. Однако название Белая Русь в приложении к нынешней территории республики сложилось лишь в прошлом веке, а прежде — несколько столетий назад прилагалось оно только к восточным белорусским землям — Полоцкой, Витебской, Гомельской, Могилевской, Мстиславской и к Смоленской земле. К месту сказать, первоначально (в XI—XIII веках) Белой Русью назывались только Суздальские земли, затем название распространилось на Московскую Русь, а позже (в XIV—XVI веках) сдвинулось к западу — Смоленску, Полоцку и Витебску — и здесь закрепились.

Достоверных объяснений смысла названий Белая и Черная Русь пока нет. Историки разных времен пытались объяснить их происхождение цветом

носимых населением одежд, что, естественно, никакого отношения к истине не имело: в Черной Руси не носили черной одежды, равно как в Белой не носили белой. Объяснение, что Черной Русью стали называться земли, якобы захваченные литовцами, а Белой Русью — свободные от литовской принадлежности, ни на чем не основано и противоречит реальности.

Ближе других к истине мнение, которое полагает противоположность названий разницей религиозного состояния населения; в Белой Руси христианизация затронула весь народ, крещение язычников в православие началось здесь одновременно с крещением киевлян, и к тринадцатому веку христианство здесь имело уже двухвековую историю. Как бы ни были на белорусских землях стойки пережитки язычества, народ считал себя христианами «греческой веры» и эту свою новую веру считал родной. В Черной же Руси «поганство» (язычество) держалось дольше и тверже, поскольку тут сложился особый уклад, обусловленный тем, что при колонизации этих земель кривичами и дреговичами коренное население в своем большинстве оставалось жить бок о бок с пришельцами. Безусловно, колонизация поначалу не была мирной, об этом свидетельствуют археологические материалы: раскопки древних городищ показывают, что все они были сожжены. Но это вовсе не означало полного изгнания или уничтожения коренных жителей — литовцев, пруссов и ятвягов. Вольно или невольно, они входили в тесные отношения с пришлыми славянами, и культуры их под взаимным влиянием изменялись к некоему общему состоянию. Обилие языческих капищ, множество не христианизированного — некрещеного, то есть чужого по верованиям и в этом смысле «черного», населения и дало основание назвать эту часть бывшей Киевской Руси Черной Русью.

Но почему можно говорить о ней в отдельности от Белой Руси, где сосредоточены более известные наши города — Полоцк, Витебск, Туров, Минск? Ведь, кажется, объединителем белорусских земель выступал Полоцк со своим знаменитым Рогволодом; здесь сидел известный, помянутый в «Слове о полку Игореве» Всеслав, здесь проходил великий водный путь. Все это так, но, во-первых, между Белой и Черной Русью никогда не существовало рубежа, и контрастная разница названий не означает коренного различия интересов. Ведь Черная Русь была «создана» теми же самыми племенами кривичей и дреговичей, которые населяли Белую Русь. Во-вторых, XIII век, о котором здесь пойдет речь, никак не начало Черной и Белой Руси, а одно из времен ее старины: на это время политическое и военное могущество Полоцка упало, земли его подробились, и на первый план выдвинулись сидевшие до того в тени соседи во главе с Новогрудком. Но более всего важны внешние обстоятельства, которые проявились в XIII столетии, и были эти обстоятельства таковы, что XIII век стал веком переломным, круто и существенно изменившим течение истории многих народов.

В XIII столетии почти одновременно на западных и восточных границах Восточной Европы возникли мощные агрессивные силы, борьба против которых на полтора-два века стала главным смыслом государственной жизни

всех здешних народов.

В 1201 году немцы заняли стоявшую в устье Западной Двины крепость Ригу, годом позже здесь возник Орден меченосцев, и без промедления начались его войны с литовцами и белорусами. В 1221 году на реке Калке сошлись на первую свою битву татары и русские. Разгром, который потерпели в этом сражении объединенные силы русских княжеств и половцев, послужил прологом к Батыеву нашествию, с 1236 года за пять лет татары с мечом и огнем прошли почти все русские земли, разгромили Киев,

галицкие и волынские города, ошеломили Западную Европу опустошением Венгрии, Малопольши и Силезии. В 1237 году, когда горели Рязань, Суздаль, Владимир, когда татары древним селигерским путем двигались к Великому Новгороду, добраться до которого, к счастью, не смогли из-за непогоды, закрывшей дороги,— в тяжкий этот год ливонские меченосцы объединились с прусскими крестоносцами. Возник Тевтонский орден, который повел наступление на прусские, а затем на литовские, польские и белорусские земли.

Время было мрачное, испытания, выпавшие на долю народов, вызвали к деятельности людей большой духовной мощи: в Белоруссии и в Литве — это князь Миндовг, в Галицко-Волынской Руси — князь Даниил Романович, во Владимиро-Суздальской Руси — Александр Невский. Все они были людьми героического склада, крупного ума и вошли в историю значимыми делами.

С Миндовгом настолько тесно связаны важные события белорусской и литовской истории, что нет ни одной исследовательской работы по той эпохе, которая обошла бы вниманием незаурядную личность князя. Он был первым объединителем белорусских и некоторых литовских земель в единое государство — Великое княжество Литовское, при нем были одержаны важные победы над немцами и татарами, он определил политику отношений Великого княжества с Орденом меченосцев, которой держались все его преемники вплоть до 1410 года, когда Орден потерпел поражение в знаменитой Грюнвальдской битве.

Научные споры о происхождении Миндовга не прекращаются по сей день, что можно объяснить скудостью исторических о нем сведений. Впервые имя Миндовга упоминается в Ипатьевской летописи под 1219 год в договоре галицких князей с литовскими о совместных действиях против поляков. Миндовг называется в договоре в числе старших князей литовских, имена которых летописец сообщает в следующей последовательности: «Живинбуд, Давьян, Довспрунк, брат его Миндог...» Затем сведения о нем встречаются через шестнадцать лет, и опять речь идет об отношениях между Галицкой Русью и Польшей. Названный выше Даниил Романович враждовал тогда с князем Конрадом Мазовецким и в 1235 году, как пишет летописец, «возведе на Кондрата Литву Минога [и] Изяслава Новгородского» (Новгородского). Эта коротенькая запись таит в себе множество тайн. Но к ним мы обратимся позже, а сейчас важно подчеркнуть, что с сороковых годов XIII века и Миндовг, и

Новогрудок становятся объектом частого внимания летописей и хроник.

С Новогрудком связаны самые важные дела и зрелые годы жизни Миндовга. Но откуда он пришел в Новогрудок и в каком качестве, почему сделал Новогрудок столицей новообразованного государства, в каких отношениях был с литовскими племенами и русскими княжествами, почему был убит — все это объясняется неоднозначно, иногда противоречиво.

Личные пристрастия историков позволяли трактовать Миндовга то жмудином, то облитовившимся белорусом из династии полоцких князей, то обрусевшим литовцем, то приглашенным князем Новогрудка, то завоевателем его и т. п. Если допустить, что в договоре 1219 года упомянут именно он, а не какой-либо другой князь с таким же именем, то в этом случае активная политическая, государственная и военная деятельность Миндовга охватывает большой промежуток времени — почти полвека. Надо воистину родиться под счастливой звездой, чтобы в условиях феодальной вражды, заговоров, беспрерывных военных походов оставаться живым и успешно осуществить свои замыслы: образовать жизнеспособное, сильное государство, задать ему идеи, смысл на будущее существование и развитие.

Но прежде чем продолжать разговор о Миндовге и созданной им державе, необходимо прояснить некоторые исторические и географические названия, без чего недоступно правильное понимание многих событий белорусской древности.

Литву XIII века нельзя отождествлять с современной Литвой; тогда на территории нынешней Литовской республики развивалось несколько племенных объединений. В Ипатьевской летописи они названы так: Жемойты (Жмудь), Рушковичи, Булевичи и Деволтва; они имели определенные различия в языке, особенно Жмудь, и соблюдали достаточную самостоятельность. В исследованиях по истории

Литвы, которые опираются на русские летописи, немецкие хроники и на документы, картина состава Литвы выглядит несколько иначе: она предстает двумя крупными областями — Жемойтией и Аукштотой. Жмудь занимала территорию от Балтийского побережья до р. Невяжи — правого притока Немана. К востоку от нее лежала Аукштота, которую составляли земли: Деволтва, Нальшаны и собственно Литовская земля; границами последней были реки Меречанка, Вилия и Неман. Главными поселениями Нальшанской земли были Ошмяны, Эйшишки, Медники, Ворняны, Свираны, Свентяны, то есть находилась она на северо-западном пограничье Белоруссии. За Нальшанами и собственно Литвой находилась Деволтва. В глубокой истории балтийские племена заселяли нынешние белорусские и украинские земли вплоть до Дуная, но постепенно были оттеснены славянами к Балтийскому морю. Колонизация литовских земель дреговичами и полочанами проходила уже в исторические времена. Эти земли, получившие впоследствии название Черная Русь, помнили свое прежнее название; помнили об этом и русские летописцы, отчего и в жизни и в летописях это старое их название — Литва — за

ними сохранялось.

Ипатьевская летопись границей между Литвой и Новогрудским княжеством считает Неман. На левом берегу — Новогрудок, через реку — Литва. Это видно из сообщения о строительстве сыном Миндовга Войшелком монастыря: «...и приде опять в Новогородок и учини собе манастырь на рече на Немне межи Литвою и Новымгородком». Так что летописное название Литва включало в себя и Черную Русь, или, говоря иначе, Черная Русь — это одно из названий колонизованной белорусами части Литвы, причем большей ее части. Надо сказать, что это не самоназвание, то есть оно дано не жителями этого региона, а дальними соседями. Само население называло эти земли Русью Литовской, что отражало их географическое положение и генезис. Площадь Руси Литовской примерно 55 тысяч квадратных километров. Смысл названия Русь Литовская таков же, как название Русь Залесская или Русь Московская (то есть Русь, осевшая в бассейне реки Москвы). Поскольку земли Руси Литовской стали центрообразующим ядром нового государства, то за ними закрепилось их старое название, коренное, географическое — Литва. Государственное объединение белорусских, деволтовских, нальшанских и литовских земель получило название Великого княжества Литовского, а после присоединения Украины и Жмуди стало называться Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское. Верная расшифровка названия такова: Литовское — западная часть Белоруссии и Аукштота, Русское — восточная часть Белоруссии и Украина, Жемойтское — Жмудь (западная часть нынешней Литвы).

Вообще, с названиями Литва, литвин, литовец дело обстоит не так просто, как кажется современному человеку. Для москвичей XVI—XVII веков любой пришелец из Великого княжества Литовского, независимо от того, был ли он белорус, жмудин, украинец, оставался литвином. Например, литвином называли Петра Мстиславца. Во время войн войско Великого княжества среди противников имело общее название — литовское войско, а то и проще — литва. Упоминаемые в хрониках набеги литвы на

Мстиславские, новгородские земли не означают, что нападали только литовцы — нападали из Литвы, Литвою были земли от Гродно до Новогрудка и от Вильни до Полесья. «О, Литва, отчизна моя», — писал еще в XIX веке А. Мицкевич в поэме, посвященной делам Новогрудского повета, а род Мицкевичей происходит из-под Лиды. Жители Жемойтии (Жмуди) никогда в то время не назывались литовцами, как в наши дни, а только жмудинами. Кстати сказать, для белорусов русские из Московской Руси были «московитами,» «москалями», то есть точно так же, как для последних первые были литвой, литвинами.

Но вернемся к географии. К югу от Руси Литовской лежало Полесье — начальная область дреговичей — с главными своими княжествами Туровским и Пинским. Леса и болота Полесья и Брестчины отделяли Русь Литовскую от Галицко-Волынской Руси, создавая «естественное» препятствие для ее устремлений быть объединительницей всех южных и западных русских земель.

Русь Литовская и собственно Литва также выдвинули программу объединения новогрудских, гродненских, литовских и белорусских земель и оказались соперниками галичан и волынцев. Это соперничество отмечено и военными столкновениями, и попеременными успехами. Окраинное положение Галицко-Волынских княжеств, военный натиск татар, венгров, поляков не позволили им выполнить свою объединительную миссию, и в следующем столетии большая часть их земель была присоединена более крепким соперником — Великим княжеством Литовским.

Родственные литовцам ятвяги — восточные соседи Руси Литовской — занимали Беловежскую пуцу и земли, к ней примыкавшие, так называемое Подлясье. Первая попытка включить ятвяжские владения в состав Древнерусского государства отмечена 983 годом, когда на них ходил киевский князь Владимир. Тогда у них были отняты земли, центром которых стал Брест; здесь же, на бывших ятвяжских землях, возникли и другие города — Кобрин, Каменец, Дрогичин. На земли ятвягов претендовали и поляки — в борьбе за брестское княжество интересы русских и мазовецких князей приходили в столкновение.

В начале XII столетия Конрад Мазовецкий даже пытался захватить Брест, но брестчане вынудили его уйти. Бесполезны были и его попытки покорить ятвягов и союзных им пруссов. Более того, они вынуждали мазовецкого князя к уплате дани. Существует легенда, которая рисует зависимость Конрада от пруссов в гротескной форме. По этой легенде, однажды пруссы предъявили Конраду требования дать им коней и одежду, грозя в случае неисполнения набегом. Конрад, не имея чем удовлетворить это желание воинственных соседей, созвал на пир панов. Спойв гостей до беспамятства, он и ж раздел и отослал их одежды и коней пруссам.

Сомнительно, конечно, чтобы Конрад был стеснен пруссами до таких мелочных поступков, однако суть легенды правдива — пруссы и ятвяги досаждали ему. Ответные их походы на поляков были столь чувствительны, что польские князья, враждуя между собой, объединились для военного утеснения пруссов. Конрад Мазовецкий, его брат Лешек Белый и Гжегош Бородатый ходили на пруссов в 1222 году, причем приглашали в этот поход и немецкое рыцарство. Поход оказался безуспешным. В следующем году наступление на пруссов повторилось, и к нему были привлечены отряды поморских княжеств. Желательных результатов поляки не добились. И тогда Конрад решился на крайнюю меру — пригласил на помощь крестоносцев, что очень тяжело отразилось на последующей истории Лолыии.

Орден не просто умиротворил ятвягов и пруссов, он захватил их земли и создал здесь агрессивное государство. Уже в 1226 году великий магистр Ордена Герман фон Зальца обеспечился привилеем германского императора Фридриха II, который отдавал в

вечную собственность Ордена все территориальные захваты рыцарей в прусских землях. Но по иронии судьбы орденское государство сохранило за

собой имя уничтоженного (частично онемеченного) народа, и часть его под названием Восточной Пруссии со столицей Кенигсбергом просуществовала до 1945 года. От ятвягов же не осталось и имени.

Гибельное время ятвягов известно с буквальной определенностью. Они участвовали в восстания пруссов против Тевтонского ордена, и последним годом исторического существования этого племени является год подавления восстания — 1283. Большая часть ятвягов погибла в боях с немцами, некоторая часть была переселена с их родных мест в западную область Самбии. Окончательно они были германизированы в XVI веке. Некоторые роды ятвягов нашли спасение от орденского меча в Руси Литовской. Сюда, например, пришел с отрядом и населением последний ятвяжский князь Скурдо. С 1283 года летописные упоминания о ятвягах прекращаются.

Но какую цель преследовали мы, столь немало описывая соседей и положение Руси Литовской? Очень важную — чтобы стало возможно представить необычность обстоятельств, племенную пестроту, столкновение самых разных интересов и сил на небольшой в общем-то территории. Как видим, эти группы людей принуждены были уживаться и терпеливо принимать бытовые, духовные и религиозные различия друг друга. Скоро вместо ятвягов и пруссов соседями Руси Литовской стали тевтонцы, и началось длительное, полуторавековое им противостояние. Но прежде пришли в столкновение с немцами полочане. Полоцкое княжество, одно из самых сильных в предыдущую историю, к XIII веку раздробилось, на землях его создан ряд самостоятельных уделов — Витебский, Минский, Заславский, Логойский, Дружки. Уделами Полоцкого княжества стали и его прибалтийские пригороды — Кукейнос и Герсике, где княжили князья полоцкой династии. Они охраняли торговые интересы Полоцка, для которого Западная Двина была дорогой в Европу. Меченосцы, построив на Двине свои крепости, закрыли полочанам свободный выход в море. Полоцкий князь Владимир, сопротивляясь немцам, неоднократно осаждал их замки Икскуль и Гольм. В 1208 году рыцари обложили в Купейное полоцкого князя Вячко; не получив помощи, князь был вынужден сжечь свою крепость. Ничего более о князе Вячко (Вячеславе) не известно, но и это короткое сообщение хроники позволяет представить горькие чувства князя, его дружины к жителей Кукейноса в тот тяжкий для них день: приходилось собственными руками уничтожать свои крепость и город, уступать немцам земли, добытые, безусловно, немалой кровью предков в борьбе с ливами.

Через год крестоносцы разрушили Герсике, а в 1212 году Владимиру пришлось отказаться от нижнего Подвинья и от дани с ливов, которую теперь стали брать немцы. Только Герсике был вновь отстроен полочанами, как на него опять напали меченосцы, но на сей раз без успеха — герсикский князь Всеволод призвал на помощь литовцев и объединенными силами разбил немцев. В 121 в году Владимир готовил большой поход против Ордена силами полочан, литвы и эстов. Однако внезапно, перед самым выступлением, князь Владимир умер.

Княжение Владимира и его дела сохранились в народной памяти, в частности в былинах об Илье Муромце. Чрезвычайно интересно, что одно из старейших упоминаний о Владимире и Илье Муромце встречается в скандинавской саге XIII века о Дитрихе Бернском. Сага называет города Полоцк, Киев, Смоленск, Новгород; князь Владимир называется сыном князя Сертнита, а брат его от наложницы Илья называется Ярлом из Герсике. Исследовавший эту сагу А. Веселовский увидел в ней отражение реальных исторических событий, в том числе и конкретных событий XIII века. Полоцкому князю

Владимиру действительно подчинялся Герсике, и сидевший там князь мог быть братом Владимира, возможно, что и имя его было Илья. Конкретные обстоятельства и имена в понимании немецких купцов, бывавших в Полоцке и слушавших песни и были об Илье Муромце, переплелись с былинами, и записи их, сложившие сагу, сохранили некоторые моменты белорусской истории, не известные по нашим летописям.

Военная экспансия немцев против Полоцкого княжества и Новгородской земли привела Полоцк и Новгород к союзу, который был скреплен браком Александра Невского с дочерью полоцкого князя Брячислава. Поражение немцев на льду Чудского озера, где рядом с новгородцами стояли и полоцкие полки, приостановило натиск крестоносцев на псковские и новгородские земли, но он усилился на литовском направлении.

Сорок лет немецкого давления на северные литовские земли и кровавая христианизация прусских племен послужили катализатором объединительных осмыслений среди чернорусских, литовских, нальшанских, деволтовских князей. В это время княжества Руси Литовской оказались в выигрышном положении: их, как и все остальные белорусские земли, кроме брестской, не коснулось Батыево нашествие, до них еще не дошли крестоносцы, и естественно, что здесь сложились не только настроения, но и возможности для проведения самостоятельной политики, для реализации претензий на главенство над своими ослабленными соседями. Деловое исполнение этих интересов начал Новогрудок.

Под 1237 год упоминается в летописях последний новогрудский князь Изяслав. Вероятно, вскоре он умер, и город пригласил на княжение Миндовга. О том, что Миндовг вошел в Новогрудок не силой, а по желанию или с согласия новогрудских феодалов, неопровержимо доказывает крещение Миндовга в православие, датируемое Густинской летописью 1246 годом: «В сие лето великий князь литовский Миндовг прият веру христианскую от Востока, со многими своими бояры». Переход князя-язычника в православие меньше всего был религиозным актом; в первую очередь он имел политическое значение. Смысл его заключался в том, что князь становился одноверцем с населением города, княжества, в котором садился княжить, и брал на себя соответствующие обязательства соблюдать интересы княжества, уважать его «старину», то есть законы, религию, обрядность. При этом город, верно, заключал с князем

договор, как о том свидетельствует договор начала XIV века между полочанами и князем Ерденом. Принимал православие и князь Довмонт, когда с 1275 года стал княжить в Пскове. В православие крестился племянник Миндовга Товтивил, заняв княжеский стол в Полоцке в шестидесятых годах XIII века. Практически нельзя назвать хотя бы одного литовского князя, который бы осуществлял в белорусских, украинских или русских городах княжеские обязанности, оставаясь язычником.

Из Новогрудка, опираясь на силы новогрудского княжества и действуя в его интересах, Миндовг приступил к объединению земель Черной Руси — Гродно, Слонима, Волковыска, Несвижа, Здитова, Турийска. Литовская дружина Миндовга была малая. Например, Довмонт явился в Псков с дружиной в триста человек. Скорее всего, с таким же примерно отрядом пришел в Новогрудок и Миндовг и был принят в силу прочных дружественных отношений с новогрудским боярством, которое знало его как способного полководца. К такому выводу приводит запись Ипатьевской летописи о том, что галицко-волынский князь Даниил Романович «возведе на Кондрата Литву Минога [и] Изяслава Новгородского». «Возведению» этому предшествовали такие обстоятельства: Конрад Мазовецкий, пригласив Орден на свои земли для борьбы с язычниками, передал им и Дрогичинскую волость, которую Даниил Романович считал своей. В ответ он был

вынужден прогонять крестоносцев силой и затеял поход против Конрада, для чего привлек своих союзников — Миндовга и Новогрудок, то есть уже в тридцатых годах «Литва Миндовга» и новогрудское княжество совместно участвовали в боевых действиях.

Полоцкое княжество, ущемляемое меченосцами, пришло к союзу с Миндовгом, то есть к согласованию своих интересов с интересами Черной Руси и той части Литвы, которая была верна Миндовгу или покорена им в результате междоусобных войн. С помощью чернорусских полков Миндовг сумел подчинить себе собственно Литовскую землю; Жмудь враждебно относилась к нему, другие земли Аукштоты — Деволтовская и Нальшанская — также противились его державным устремлениям; показательно, что именно на эти земли обрушил репрессии сын Миндовга Войшелк после гибели отца.

Державное объединение Руси Литовской и части литовских земель получило для государственной символики Новогрудский герб Погоню — всадник с поднятым мечом. Это был распространенный герб, им пользовался, например, и Александр Невский. На белорусских землях того времени Погоней назывался также и призыв боярства на войну или в набег; Погоня — это всеобщее ополчение. Только при Гедимине, уже в следующем столетии, появляется и другой герб, так называемые Колонны, образовавшийся из родового знака Гедимины, из клейма, которым метили княжеские табуны. К роду Колоннов принадлежит и Миндовг; родовое гнездо Колоннов находилось возле Ошмян. Так что Миндовг (отметим это еще раз) выходец белорусско-литовского порубежья.

О политическом и «географическом» центре Великого княжества Литовского позволяет судить и каменное строительство, ведшееся уже в следующем столетии Гедимином. При нем были построены крепости в Новогрудке, Крево, Лиде.

Первые образователи Великого княжества Литовского, разумеется, не могли видеть на два века вперед, не могли предвидеть такого развития событий и отношений, которое сделает необходимостью государственный союз Великого княжества с Польшей. До 1386 года в развитии Великого княжества доминировало белорусское начало, выразившееся в первую очередь в том, что государственным языком новой державы стал белорусский (русский, как его тогда называли). Он был не только языком великокняжеского двора и канцелярии, но и языком всей феодальной знати. На белорусском языке были составлены и изданы главные государственные документы. Лишь под конец семнадцатого столетия он был запрещен к употреблению в официальном делопроизводстве. И сменился белорусский язык не литовским, а польским.

Иными словами, держава Миндовга началась как крепнущая, присоединяющая к себе литовские земли, уже частично колонизованные, а затем и не тронутые колонизацией. Последующее присоединение к Великому княжеству других белорусских, украинских и части русских земель вообще стало неразрушимым препятствием для расширения литовского содержания государства. Наибольшее сопротивление Миндовг встретил как раз на Литве, где для победы над удельными князьями был вынужден прибегнуть к прямому военному насилию. Даже близкая его родня ориентировалась лишь на временные союзы для отпора врагам или для походов за лупами, так называлась тогда военная добыча.

В 1248 году Миндовг захватил земли своих племянников Товтивила и Едивида, а их самих выслал «воевать ко Смоленску», объявив: «что кто примет — себе держит». Другими словами, Миндовг изгнал их на верную смерть: под Зубцовом войско Товтивила и Едивида потерпело поражение в битве с полками суздальцев, москвичей и тверян. Когда же они остались живы, Миндовг послал на них «вои свое, хотя убити».

Не столько сами эти действия, сколько прояснившиеся намерения державы

Миндовга привели к образованию военной коалиции против него, которую возглавил князь Даниил Романович. Военное наступление против Миндовга замыслилось в союзе с ятвягами, поляками, Жмудью и той частью Литвы, которая ему противилась. К этому союзу были привлечены и меченосцы, заинтересованные в любом ослаблении соседей.

Для державы Миндовга ситуация складывалась очень неблагоприятно, и Миндовг решился на смелый политический шаг: он снесся с магистром Ордена меченосцев Андреем фон Стирландом, вступив с ним в договор о своем обращении в католичество и коронации. Это стоило ему немалых даров, но зато вывело из игры Орден; с помощью серебра вышли из коалиции с Даниилом и жмудские князья. В 1250 году в Новогрудке магистр Ордена короновал

Миндовга специально изготовленной короной. Немцы не только перестали быть союзниками Даниила, они выделили военную помощь Миндовгу, что в той ситуации было ему крайне необходимо. Он смог отстоять свои земли и фактически выиграл войну. В 1253 году противники заключили мир, скрепив его браком дочери

Миндовга с сыном Даниила Романовича Шварном.

Акция крещения, а вернее, перекрещивания Миндовга из православия в католичество не была для того времени единственной или свойственной только языческому самодержцу. Примерно в такой же ситуации оказался и его противник — князь Даниил Романович, испытывавший все тяготы татарского гнета. Не имея сил самому противостоять ордынцам, Даниил задумал привлечь к войне против татар западное рыцарство, организовать крестовый поход против «поганых», которые проявили себя врагами не только восточного, но и западного христианства. Такой поход был возможен только по одобрению и призыву к нему папой римским. И князь Даниил Романович вошел в тесные сношения с папой Иннокентием IV, сам предложив идею унии греческой и римской церкви. Предложение, сулившее получить под эгиду католической церкви большие русские территории, было встречено, разумеется, очень тепло; тотчас же при дворе Даниила Романовича оказались папский легат и доминиканские монахи. Однако на буллы папы о крестовом походе против татар западное рыцарство не отозвалось, и, таким образом, уния, не имея самого главного подкрепления — военного, была сорвана. Но в 1255 году Даниил, все еще надеясь на какую-нибудь помощь, принял королевскую корону от папских посланцев, не меняя веры. Коронация Даниила проходила в Дрогичине. Когда же прояснилось, что в военном отношении папа содействовать не в силах, Даниил Романович порвал с ним и королевским своим титулом не пользовался. Политическая игра, какую он в этом случае вел, ничего ему не принесла; Миндовг же своим крещением разрушил военный блок, который мог его сокрушить. Во время этой войны случилось с Миндовгом рядовое для военного человека, однако отмеченное летописью происшествие, загадочность которого питала и питает интерес многих историков. Суть его такова. Против Миндовга в начальный период боевых действий выступил Товтивил с войском, составленным из галичан, половцев, ятвягов и немцев. «Миндог же,— рассказывает летописец,— собрался бе и умыслил же себе не битися с ними полком, но вниде во град именем Вору́та, и высла щурина своего ночью, и розгнаша и Русь и ятвяга. Наутро же выехаша немцы со самострелы и ехаша на не русь с половци и стрелами и ятвязе со улицами и гонишася на поли подобно игре». То есть вместо осады, вместо попыток брать Воруту штурмом, лезть на стены, выбивать ворота тарасами, морить защитников Воруты голодом, вместо любых обычных для осады мер, направленных на изнеможение и гибель противника, под стенами Воруты было проведено групповое состязание в среде союзников, учебный бой, в котором одетые в латы немецкие рыцари противостояли русскому и ятвяжскому вооружению и иной тактике. Однако самое странное, что Ворута

не была взята. И вот почему странно. Вскоре после этого Даниил Романович, сам прибывший на театр военных действий, взял Гродно — сильную крепость в Руси Литовской, овладел другими городами. Вору́та же оказалась неприступной. Товтивил в бессилии взять ее потряс, так сказать, кулаками и отбыл восвояси.

Что же это за град Вору́та, который предстает в летописи более мощным укреплением, чем Гродненский замок на крутом высоком берегу Немана? О Вору́те, помимо приведенного сообщения, никаких других сведений нет ни в одной русской летописи или немецкой хронике. Нет упоминания о Вору́те в сохранившихся белорусско- литовских летописях. Эта полная безызвестность вызвала к жизни ряд предположений и гаданий. Вору́ту считали «родовым гнездом» Миндовга, его «столицей» и помещали то в Жмудь — либо в верховья Дубиссы под Россены, либо в низовья ее под Эйраголу, — то идентифицировали с Воронянами (на нынешнем белорусско-литовском пограничье), то с Лишковом (неподалеку от Друскеник). Существует мнение, высказанное еще Нарбуттом, что Вору́та находилась на месте Городища — вблизи Столовичей современного Барановичского района. Белорусский историк Н. Ермолович в своем исследовании, посвященном становлению Великого княжества Литовского, предполагает, что слово Вору́та образовалась по ошибке переписчика, соединившего предлог с существительным в единое целое, то есть в первоначальной записи хрониста было так: «во град именем во Руту», что соответствовало книжной традиции нашей старины. Если согласиться с этим мнением, то крепость, в которой отсиживался Миндовг, находилась неподалеку от Новогрудка, где и сейчас есть несколько населенных пунктов с названием Рута.

Предположение Н. Ермоловича представляется убедительным, если посмотреть на смысл прятания Миндовга в «Вору́те» с военной точки зрения. Размышления здесь могут быть таковы. Если «Вору́та» была мелким укреплением, то действия союзных войск под началом Товтивила не поддаются осмыслению, поскольку численно они превосходили войско Миндовга, о чем говорит его решение избежать полевого боя. Если же это было сильное укрепление, то ниодно предполагаемое историками местонахождение Вору́ты не может быть принято в расчет, так как и Лишков, и Воронины, и Рута, и Эйрагола были мелкими крепостцами, не способными защитить от большого войска. В Литве XIII века мощных замков вообще не было, они появились столетием позже. Черная Русь располагала мощными крепостями, в первую очередь это Новогрудок и Гродно. Но они были захвачены Даниилом Романовичем через год после малоуспешного похода Товтивила; только тогда, оттесненный в собственно литовские земли, Миндовг пошел на мир с противником. Поэтому есть все основания считать, что Вору́та находилась в Руси Литовской и что это было мелкое укрепление, — возможно, Рута, или что за названием Вору́та скрывается город с сильным замком. Может быть, Миндовг затворился в Новогрудке. Может быть, отряд Товтивила был малочисленным, а Миндовг встретил его с еще меньшей дружиной и спрятался

в первом попавшемся укреплении, поджидая прихода других полков. Товтивил же, не рассчитывая на подмогу, решил за лучшее уйти, продемонстрировав сидевшему за стенами врагу выучку своих отрядов.

Однодневная осада Миндовга в Воруте была мелким эпизодом, запомнившимся благодаря турниру между немцами и русскими и ятвяжскими рыцарями.

Миндовг принял во внимание преподнесенный ему урок единства западных и южных своих соседей и разрушил его принятием короны и серебром.

За несколько следующих спокойных для Миндовга лет Орден попытался взять свое за услугу крещения. Миндовг вынужденно дал Ливонскому ордену грамоту, отписав в пользу Ордена свои земли. (Семь подобных грамот крестоносцы подделали.) Грамота служила знаком вассальной зависимости Миндовга от немцев и требовала определенных

мер в ее оправдание и в оправдание полученной короны христианского государя — в первую очередь мер по христианизации языческого населения страны, строительству католических храмов, приему миссионеров и т. п.

Появление немецких священников в Литве и на чернорусских землях вызвало, безусловно, недовольство Миндовгом; но он и сам, как показало время, не собирался терпеть то положение, какое ему навязывали крестоносцы. Исполнитель Миндовг готовил восстание против Ордена — и в Литве и, что особенно интересно, в Пруссии. Оно началось в 1260 году и было отмечено разгромом орденских войск у озера Дурбе. Восстание захватило всю Пруссию и длилось там без малого двадцать пять лет. И Миндовг, и его преемники помогали пруссам. Миндовг сам водил против Ордена 30-тысячное белорусско-литовское войско. Количество войска преувеличено хронистами по меньшей мере втрое; 30-тысячное войско появилось в Великом княжестве Литовском только к началу XV столетия, когда простерлось оно от Балтийского до Черного морей. Но не в цифрах суть; важно заметить, что Миндовг вел борьбу с немцами на полном напряжении сил Черной Руси и Литвы.

Логика войны привела Миндовга к союзу с Александром Невским против немцев. Союз был подкреплён браком Константина — сына полоцкого князя Товтивила, того самого, который десятилетием прежде осаждал Миндовга в Воруте, — с дочерью Невского Евдокией. Константин в то время был князем витебским.

В 1263 году почти одновременно умер Невский и был убит Миндовг. В Великом княжестве началась междоусобица, длившаяся около десяти лет и приведшая к его ослаблению. Борьба за престол, сведение личных счетов, разделение войска по соперничающим группировкам худо отразились на общем противоборстве с крестоносцами. Да и ближайшие преемники Миндовга оказались послабее, помельче его, а в феодальном государстве личность самодержца, его одаренность, мудрость, сила природы решительно определяли и

державную политику и полноту ее осуществления.

После укрепления своей державы и победоносных походов в Пруссию он почувствовал себя на вершине удачи и славы. Талантливый политик, человек сильной воли, решительный и непреклонный, Миндовг оказался во власти тех пороков, какие развивает неограниченное положение,— все позволено в отношении людей, ему подчиненных. В 1263 году умерла его жена Марта, и Миндовг вызвал плакать по ней сестру покойной, которая была замужем за Довмонтом — князем нальшанским. Когда жена Довмонта прибыла, он объявил ей, что будто бы, умирая, Марта повелела ему жениться на сестре — и женился, то есть силой оставил при себе чужую жену. Любопытно, что и Марта, первая жена, была взята Миндовгом силой — он женился на ней, убив ее мужа — булевичского князя Вишимунта и его братьев Единила и Спрудейка. Так что отношения Миндовга с женщинами были отмечены, мягко говоря, своеобразием. Возможно, здесь крылась какая-то неизвестная нам «романтическая» история безответной любви Миндовга к сестрам: не добившись своего, так сказать, мирными средствами, он завладел ими, убив первого соперника и унизив второго. Напрашивается и такое предположение, что Марта Миндовгу досталась вместе с владениями братьев Булевичей после их убийства — тут наличествует материальный и политический интерес. То же, как Миндовг поступил с женой Довмонта, трудно расценить иначе, чем грубое насилие уверенного в своей безнаказанности самодержца. Затаив смертельную обиду, Довмонт через год с помощью рвавшегося к власти племянника Миндовга князя Тройната нашел случай расправиться с обидчиком — и расправился: Миндовг и двое его младших сыновей были изрублены в куски.

Великокняжеский престол занял Тройнат. Незамедлительно ему предъявил какие-то

претензии на земли и власть его брат Товтивил, княживший в Полоцке. Дележ земель привел братьев к ссоре, в которой Тройнат убил Товтивила; сын Товтивила Константин, занявший в Полоцке место отца, опасаясь Тройната, должен был бежать в Новгород. Но снедаемому честолюбием братоубийце недолго привелось радоваться добытой через кровь властью: четверо конюших Миндовга, мстя за господина, зарезали Тройната, когда он шел в баню.

После этой череды убийств на сцену бурной политической жизни вышел Войшелк, укрывавшийся от Тройната в Пинске. Силою пинских полков он вернул себе Новогрудок — столицу Великого княжества — и вместе с новогрудцами отправился наказывать строптивых и непослушных князей Нальшан и Девольтвы. Все противное Миндовгу и Войшелку боярство и князья в Аукштоте были перебиты. «Войшелк же нача княжати во всей земле Литовской,— говорит летописец,— и поча вороги свое избивати, изби их бесчисленное множество, а друзии разбегошася како кто видя». Довмонт, например, бежал в Псков, где княжил по 1299 год, верно служа интересам города.

Войшелк в отличие от отца не был натурой цельной: дух его терзался

сложными противоречиями, он уходил в монастырь, даже пускался паломничать, основал монастырь неподалеку от Новогрудка, но, видимо, и затворническая жизнь его не успокаивала и не удовлетворяла, так как он вновь вернулся в Новогрудок князем.

В 1267 году Войшелк отправился во Владимир-Волынский на съезд князей, и здесь, в монастыре неподалеку от города, стал выяснять за хмельным кубком отношения с Львом Данииловичем. Верно, немало было выпито — пилн весь вечер и ночь,— и наконец зелье сделало свое дело — пьяный и злой Лев Даниилович выхватил меч и засек Войшелка.

Так закончилась жизнь третьего правителя Великого княжества Литовского, человека раздвоенного, сочетавшего в себе жестокость с совестливостью, державное мышление с монашескими чувствованиями, жажду государственной деятельности с склонностью к полному уединению от мира и суеты человеческих дел. Если хоронили его по монашескому обряду, то похоронили, верно, в основанном им монастыре, простоявшем на берегу Немана без малого семь веков. Если же Войшелка хоронили как князя, то могила его могла быть в Борисоглебской церкви в Новогрудке, где он принимал крещение. Тут же неподалеку от замка нашел успокоение его отец — курган Миндовга, по сей день являющийся достопримечательностью Новогрудка, видимо, и есть то место, где по языческому обряду основатель разнонационального государства был предан вечному покою.

Государственное объединение Руси Литовской с Литвой оказалось достаточно крепким, чтобы сохраниться в войнах с галицко-волынскими князьями, дать памятный отпор татарам в их походах на Великое княжество в 1258 и 1278 годах, вести напряженные войны с немцами и присоединять к себе белорусские, украинские и некоторые русские земли.

Стоит сказать и еще об одном герое Руси Литовской того времени. Это Давид — гродненский воевода. Давид был сыном Довмонта и вернулся из Пскова на родину лет через тридцать по смерти Войшелка. Выдающиеся военные способности Давыда снискали ему любовь великого князя Гедимина, отдавшего за него свою дочь. Тут, видимо, сыграло роль и то, что Давид по отцу остался псковским князем, и таким образом Гедимин получал в союзники псковичан.

С именем Давыда связан разгром крестового похода на Новогрудок в 1314 году. В 1326 году он участвовал в совместном с поляками походе в глубь Германии и возглавлял белорусские конные полки.

Явившись началообразующим центром Великого княжества Литовского, Русь Литовская и собственная Литва всегда оставались его основой, его «становым хребтом».